

DOSTOEVSKY FORUM

ФОРУМ О ДОСТОЕВСКОМ

Достоевский и современные японские писатели: круглый стол

Нагоя, Кампус Мэйеки, Университет иностранных исследований,
Convention Hall, 27 августа 2023 г.

На закрытие XVIII Симпозиума Международного Общества Достоевского в Нагое состоялся круглый стол с участием трех популярных представителей современной японской литературы, координированный еще одним японским писателем – профессором Икуо Камеямой. Все три приглашенных автора – Фуминори Накамура (中村 文則, р. 1977 г.), Риса Ватая (綿矢 りさ, р. 1984 г.) и Кэйитиро Хирано (平野啓一郎, р. 1975 г.) – успели прославиться не только на родине, но и во многих других странах, их романы переведены на десятки языков. Тема круглого стола была, естественно, связана с вопросом о значении творчества Ф.М. Достоевского лично для приглашенных писателей и, в целом, о его влиянии на японскую литературу и культуру. Беседа, под опытным руководством профессора Камеямы, вышла содержательной и интересной. Писатели выступали по очереди с докладом на своем родном языке, та часть публики, которая не владела японским языком смогла следить его по синхронному русскому переводу на большом экране актового зала Нагойского Университета Иностранных Исследований (NUFS). После докладов последовал дебат по ряду вопросов между профессором Камеямой и его тремя гостями.

Документировать это значительное для истории МОД событие представляется важным, за что мы и обратились к профессору Камеяме. К нашему огромному удовольствию, нам предоставлена честь опубликовать здесь русский перевод всех трех прозвучивших 27-го августа докладов в порядке выступления их авторов.

Илл. 1
Вступление проф. Икуо Камаеямы.
На переднем плане подборка книг трех приглашенных авторов
(photo Graf Aloysky)

Фуминори НАКАМУРА

Шок и домашнее задание

Илл. 2
Фуминори Накамура
(photo Graf Aloysky)

Для меня Достоевский стал, если можно так сказать, вторым читательским опытом в моей жизни.

Первым впечатлением был Дацзай Осаму. Изначально я не был веселым человеком, я был мрачным, но я не хотел, чтобы надо мной издевались в школе, поэтому я всю жизнь вел себя как веселый человек.

Обстановка в моем доме была не очень хорошей, и я жил, тайком наблюдая за выражением лиц взрослых. Когда вокруг меня возникала напряженная атмосфера, я шутил, чтобы их успокоить, и просто считывал ситуацию из воздуха. Наверное, можно сказать, что я жил, стараясь избегать проблем.

Но такой образ жизни утомляет. Однажды на первом году обучения в старшей школе в какой-то день я вдруг перестал ходить на занятия. Думаю, я достиг какого-то

психического предела. Тогда-то я и наткнулся на книгу Осаму Дацзая *Исповедь “неполноценного” человека* (“Нингэн сиккаку”). Я не имел привычки читать литературу, но название знал, потому что это был известный роман, и решил прочесть его. *Исповедь “неполноценного” человека*. Наверное, подумал про себя. Пятнадцатилетний подросток, который уже не может ходить в школу, берет в книжном магазине роман Осаму Дацзая *Исповедь “неполноценного” человека*. Сейчас, вспоминая его, я думаю, что это очень хорошая страница из моей юности, но в то время мой дух был на пределе. Когда я прочитал этот роман, я был удивлен. Я подумал: «Это же я». Говорят, что люди, которые влюбляются в Осаму Дацзая, часто думают: «Это я», когда читают его произведения. Я тоже был ошеломлен. Главный герой скрывает свое истинное внутреннее «я» от окружающих, действует и живет. Это точно я. Тогда еще не было Интернета. Будучи пятнадцати-

летним подростком, я думал, что только у меня такой странный внутренний мир, но оказалось, что я не один такой.

Меня также потрясло, что нечто столь мрачное можно превратить в произведение искусства. Тогда у меня было лишь смутное представление об этом, но сейчас я добавляю немного больше своими словами: удивительно, что то, что в обществе считается негативным, например, темнота, может стать великим произведением литературы. Даже создается впечатление, что быть темным – это что-то положительное. Потом я начал читать много романов Осаму Дадзая. Так я познакомился с литературой.

Я тоже человек, но мне казалось, что я не люблю людей. Но меня спас Дадзай, то есть меня спас писатель, а писатель – это человек, то есть я понял, что меня спасли люди. А в то время среди моих одноклассников не было никого, кто бы читал Дадзая Осаму, по крайней мере, насколько мне известно. В пятнадцать лет у меня не было уверенности в себе, но в то же время я начал обретать странную уверенность. Это была очень странная уверенность: «Я читаю то, что другие не читают, и думаю, что это здорово». Мрачный роман *Исповедь “неполноценного” человека* изменил мою жизнь. Он дал мне понять, что быть мрачным внутри – это нормально. Когда я читал *Исповедь “неполноценного” человека* в очередной раз, будучи студентом университета, мое внимание привлек комментарий в издании “Синтё Бунко”, в котором *Записки из подполья* Достоевского упоминались как произведение, с которым можно сравнить эту книгу.

Вероятно, я уже много раз читал этот комментарий, но, думаю, меня привлекло слово ‘подполье’, ‘подвал’, потому что даже тогда он оставался темным. Я никогда до этого не слышал о Достоевском, но решил прочитать и был очень удивлен.

Это мемуары человека, который слишком глубоко заглянул в свое самосознание и отвернулся от общества. Проблемы у меня и у этого персонажа были разные, но меня захлестнула буря самосознания, которую можно назвать яростью. В конце я наткнулся на такое предложение: «Что лучше – дешевое счастье или усиленное страдание? Это так. Так что же?»

Это фраза из перевода Таку Эгава издательства “Синтё Бунко”, которую я в то время читал, а перевод этого вопроса Икуо Камэямы звучит следующим образом: «Что лучше – дешевое счастье или усиление страданий? Что лучше?».

И то, и другое – потрясающие слова. Меня беспокоила моя собственная темнота, но Осаму Дадзай помог мне понять, что быть темным – это нормально. Но этот роман говорит о том, что лучше быть темным. Это

удивительная история. Чем она темнее, тем она “лучше”. Мне было 18 лет, и я был потрясен.

Сейчас я бы подумал, что нет, я бы предпочел усиленное счастье, но тогда это было просто удивительно. Я не знал, что кто-то может говорить такие удивительные вещи. В литературе есть много великих слов, много страшных слов, но для меня это, наверное, одно из пяти лучших высказываний. Я начал читать произведения Достоевского одно за другим и был еще больше ошеломлен и потрясен. Например, *Братьями Карамазовыми*.

В этом произведении есть упоминание о молитве. О молитве за людей во всем мире. Когда человек молится за всех людей в мире, это означает, что я включен в них. Когда я прочитал этот отрывок, я испытал сильное потрясение. Это значит, что где-то в мире кто-то молится за людей всего мира. В том числе и за меня. Другими словами, мы не можем быть одиноки.

Потом я подумал: Достоевский был русским писателем более ста лет назад. Язык, подумал я, соединил меня через страны, культуры и эпохи и жестоко потряс меня. Поздно вечером того же дня в своей квартире в префектуре Фукусима я был ошеломлен тем, что почувствовал связь с миром. Это был первый и последний раз, когда я испытал подобное чувство.

Я читал романы, потому что они мне нравились, и читал я их потому, что искал в них то, что мне было нужно для моей жизни; и неважно, что было в то время литературно, технически или методически значимо. Я жадно искал слова, которые мне нужны, которые я хочу, которые мне необходимы. И я понял еще одну важную вещь. Раньше я говорил, что меня спас Осаму Дадазай, но он покончил с собой. И если бы я обратился к нему, я бы сказал: «Дадазай, может быть, ты и спас меня, но ты не прожил свою жизнь в таком мире и ушел по собственной воле. Глядя на твой такой опыт жизни, я не знаю, что делать». Вот такую неудовлетворенность, а может быть, и своего рода “обиду” я испытывал по отношению к Дадазаю.

Но Достоевский не покончил жизнь самоубийством.

Он дожил до своей смерти и умер от болезни. Тот, кто был так чувствителен к темной стороне мира, к темной стороне человечества и к своей собственной темной стороне, тот, кто, казалось, знал все темные стороны человечества, дожил до конца своей жизни. Это означало для меня спасение. То же самое можно сказать и о Кэндзабуро Оэ, скончавшемся в этом году, которым я восхищаюсь.

Только после того, как я стал писателем, я начал аналитически читать Достоевского. Возможно, это означает, что я брал то, что анализировал естественным образом, и переосмысливал это своими словами. Методы, которыми написаны его романы, поражают воображение.

Возьмем, к примеру, *Преступление и наказание*. Мне кажется, что одна из причин силы этого романа – инверсия садизма и мазохизма. Обычно садизм доминирует над мазохизмом, а в этом романе все наоборот: мазохизм ставит садизм на колени.

Мать Раскольниковова, его сестра Дуня, друг Разумихин, проститутка Соня, отец Мармеладов обладают характером *М*. Напротив, Раскольников, преследующий его следователь Порфирий, жена Мармеладова Катерина, жених Дуни Лужин – это *С*. Думаю, справедливо будет сказать, что загадочный Свидригайлов обладает обеими характеристиками.

Почти все роли в сюжете играют *С*-персонажи, композиция такова, что *С*-персонажи перемещаются среди *М*-персонажей. Но все *С*-персонажи, за исключением следователя Порфирия, стоят на коленях перед *М*-персонажами.

С. Лужин унизительно брошен *М*. Дуней; эффектная смерть *С*. Катерины – результат нищеты, вызванной пьянством ее мужа *М*. Мармеладова; Свидригайлов, обладающий и *С*., и *М*., также брошен *М*. Дуней, которая направляет на него пистолет и даже стреляет в него.

И последняя сцена – когда Соня, *М*., приказывает Раскольникову: она, *М*., велит Раскольникову, *С*., встать на колени и целовать землю. Затем она велит ему кланяться во все стороны и громко говорить «я его убил». Это своего рода игра со стыдом, но Раскольников, гордый *С*., в конце концов уступает Соне, *М*. И самым счастливым человеком в романе в конце оказывается Разумихин, *М*. У него лохматые волосы, он соединился с Дуней, которая описана как необыкновенно красивая женщина.

Произведения Достоевского называют пророческими. Они не только о людях и темной стороне времени. Например, *Идиот* можно считать предвестником движения Ме Тоо.

В последние годы женщины, ставшие сексуальными жертвами, открыто заявляют о себе – так по всему миру возникло движение Ме Тоо. Когда Достоевский писал *Идиота*, в России наметилась тенденция к обращению к проблеме прав женщин, и Достоевский отнесся к этому с сочувствием. В своем романе он выступил за расширение прав женщин и за предоставление им доступа к образованию.

В романе *Идиот* Настасья, будучи подростком, находящимся в финансовой зависимости от Тоцкого, подвергается сексуальному насилию с его стороны. Однако она не остается в деревне, в которой её поселил Тоцкий, а однажды неожиданно приезжает в Петербург и бросает ему вызов в лицо. Это действительно поступок Ме Тоо.

Те, кто пострадал таким образом, иногда винят себя. Сегодня говорят,

что винить себя вовсе не обязательно, что отсутствие самобичевания способствует исцелению. Мне кажется, что Достоевский понимал это уже тогда, когда процесс такого исцеления еще не начался. Герой, князь Мышкин, говорит Настасье: «Вы ни в чем не виноваты». Это очень важные слова.

Поэтому если вы спросите меня, может ли этот роман стать историей для людей, получивших сексуальную травму, то, к сожалению, я отвечу, что нет. Скорее всего, этот роман не стоит читать, а раны, скорее всего, будут расти. Именно это я имел в виду, когда говорил о романе как о зарождающемся *Me Too*, а не объявлял его *Me Too*. Также нельзя сказать, что нарочитое изображение модных цветов в *Травиате* не является скрытой насмешкой над дамами того времени (мне кажется, это характерно и для полифонии как многоголосия Достоевского, полифонии и невинности). Но это характерно не только для этого романа, это характерно и для классических шедевров, например, *Превращение* Кафки – это роман, который не стоит читать закрытым людям. *Преступление и наказание* Достоевского – тоже великий роман, но его не стоит читать людям, которые собираются совершить убийство. В любом случае, история убийцы, которого в конце спасает женщина, не является подходящим сдерживающим фактором.

Но это так, к сведению: домашнее задание для современных писателей.

То, что не написали они, надо бы написать сегодня нам.

В любом случае, Достоевский – это тот писатель, который оказал на меня наибольшее влияние и которого я буду перечитывать.

Я буду продолжать его перечитывать.

На этом я заканчиваю свое выступление, но в данный момент Россия и Украина находятся в состоянии войны. Меня часто спрашивают, что бы подумал Достоевский, будь он жив, и я тоже думаю об этом. Кто-то может критиковать его только за консерватизм, но были бы его мысли так просты? Я бы хотел порассуждать на эту тему.

Предположим, Достоевский прожил невероятно долгую жизнь. Через некоторое время после его смерти Россия стала социалистической страной, что его очень заинтересовало бы, поскольку в прошлом он увлекался утопическим социализмом, но я представляю, что он не одобрил бы ленинскую революцию без Бога, поскольку в центре ее для него должен быть Бог, Христос.

Затем произошел нацистский холокост против евреев во время Второй мировой войны, и он, должно быть, задумался бы над своими прежними высказываниями о евреях – судя по его эссе и другим работам, можно предположить, что у него было не очень хорошее впечатление о евреях.

Достоевский, вероятно, не был знаком с обстановкой вокруг евреев. Он мог не знать, например, о многочисленных линчеваниях в Европе в XIV веке, которые назывались «охотой на евреев». Он бы громко и возмущенно подал свой голос против Холокоста. Он никогда бы не одобрил Холокост, потому что в своей основе он – христианский гуманист.

Многое произошло в мире с тех пор, но это бесконечная тема, поэтому перейдем к Украине, но здесь надо сказать о политических убеждениях Достоевского.

Как известно, в свое время он был приговорен к смертной казни, а затем сослан за то, что в молодости был приверженцем утопического социализма. Даже после отбытия наказания и возобновления писательской деятельности его сочинения постоянно подвергались цензуре, а письма вскрывались властями. В таких условиях трудно писать то, что думаешь на самом деле. Поэтому мы не можем принимать его высказывания за чистую монету. Именно здесь кроется самая большая трудность в понимании его истинных чувств.

Тем не менее, рискну предположить, что, насколько я понимаю его высказывания, он был патриотом, консерватором, славянофилом, верившим в единство людей славянского происхождения, и православным христианином. Одно время он даже выступал за войну против языческого государства и критиковал Толстого, который выступал против этого в своих произведениях. Однако он выставил подобные славянофильские настроения в смешном виде, заставив князя Мышкина говорить о них в *Идиоте*, так что все не так однозначно. Мне кажется, что Достоевский по своей идеологии мог стремиться к христианскому социализму, но я пока оставляю это в стороне.

В Японии в СМИ много говорят о внезапном нападении России на Украину, но эта война имеет долгую, долгую историю. Многие эксперты говорят, что одна из трагедий заключается в том, что более десяти лет назад было обнаружено, что Украина обладает огромными запасами природного газа. Затем, в 2014 году, на Украине произошла революция, в результате которой было свергнуто пророссийское правительство и установлен прозападный режим, и многие считают, что за этим стояли США. Уже долгое время вокруг Украины идет активная игра между США, европейскими странами и Россией. Все это время Украина также наращивала свои вооруженные силы и провела ряд совместных военных учений с НАТО. Достоевский считался славянофилом и консерватором, но в одном из своих знаменитых выступлений в последние годы жизни на съезде Общества любителей российской словесности он приводит в пример Пушкина

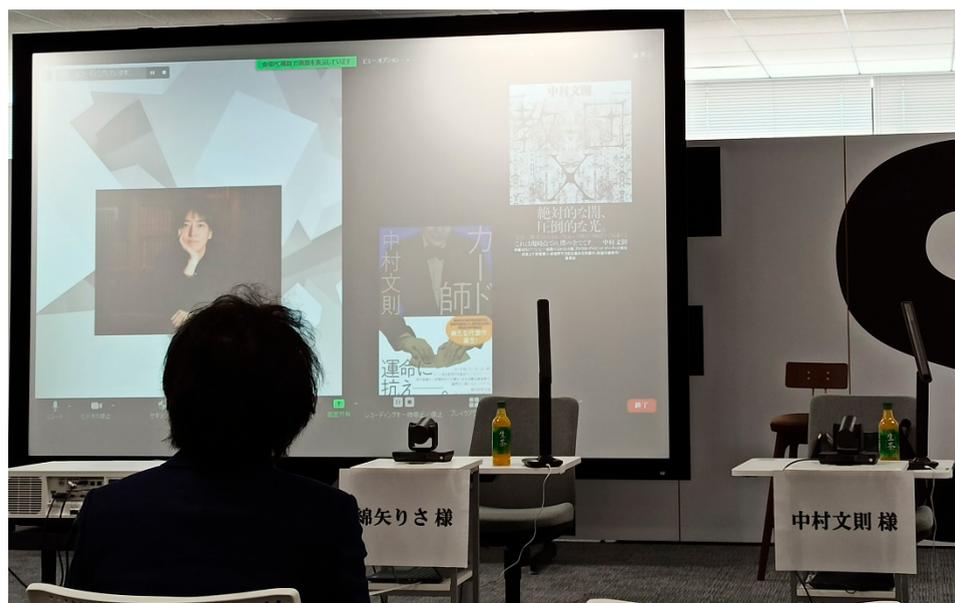
и говорит, что русский национальный характер имеет талант переключаться с национальным характером всех стран и их духом. Далее он говорит об идеале высшей гармонии не только славянства, но и Европы в целом, и даже всего человечества, в конечном счете, о том, что все люди должны быть братьями, гармонией всего человечества. И он ясно дает понять, что это произойдет не с помощью меча.

Что бы писал и говорил Достоевский, если бы он жил сегодня? В частности, я предполагаю, что война между Россией и Украиной, которые имеют одно славянское происхождение и одну религию, для него была бы невыносимой. Он должен был бы почувствовать внутри себя горе, которое бы разрывало его на части.

Первоочередная задача – спасти жизни людей, которые погибнут завтра и послезавтра. Вероятно, он хотел бы прекращения огня сейчас, как можно скорее. Международные переговоры должны вестись в состоянии прекращения огня. Так бы он подумал. Это мое предположение.

Обращение к тому духу Достоевского, который хотел примирения всего человечества, всегда актуально.

Оно должно оставаться актуальным.

Илл. 3
Фуминори Накамура перед выступлением
(photo Graf Aloysky)

Риса ВАТАЯ

Достоевский! Можно смеяться?

Илл. 4
Риса Ватая
(photo Graf Aloysky)

Я хотела бы поговорить о том, что меня озадачило, когда я читала роман Достоевского *Братья Карамазовы*.

Грань между комедией и ужасом размыта, и если у человека есть предубеждение, что это комедия, то он будет продолжать смеяться и смотреть ее, даже если это чудно, а если ему сначала сказать, что это ужас, он может ужаснуться чему-то настолько банальному, что будет смешно, если посмотреть на это трезвым взглядом.

Один писатель однажды написал в своем эссе, что, когда он создавал пьесу, он начал с комедии, а потом попытался сделать ее настолько страшной, чтобы она не была смешной. И по-

том он пытался исподтишка увидеть реакцию зрителей. Некоторые зрители продолжали смеяться, сколь бы страшной не была комедия. Вероятно, эти люди застряли в предвзятом представлении, что «это смешная история».

Это довольно глубокая проблема; например, в истории с издевательствами или чем-либо подобным все начиналось как легкое подтрунивание, над которым все могли посмеяться, но постепенно это надоедало, и люди начинали искать все новые и новые стимулы. И даже если высмеиваемый человек доходил до предела в своем страдании, окружающие продолжали смеяться. Люди нелегко выходят из состояния радости и веселья, но точно так же, погружаясь в состояние страха, они с трудом выходят из этого состояния. Например, дома с привидениями весьма прибыльны, потому что в ситуации темноты и неизвестности легко включить переключатель человеческого страха. Даже люди, которые обычно спят без защиты в темной спальне, тоже могут содрогнуться от малейшего шума или слегка испугаться и закричать, когда в доме с привидениями включается переключатель страха.

Когда я пишу роман, в котором много черных шуток, я иногда с криком «уф» останавливаю себя при мысли: а нормально ли это, не слишком ли это вульгарно, не слишком ли откровенно, не слишком ли это плохой образ. Но, по моему опыту, именно когда я писала фразы, в которых сомневалась, стоит ли мне писать что-то подобное, читатели реагировали смехом и сопереживанием, поэтому больше я не занимаюсь самоцензурой и просто пишу это.

Когда я вижу комментарии здравомыслящих читателей, которых зацепила моя книга, мне становится жаль, что я не могу написать то, что им нравится, но в то же время я чувствую некоторое облегчение, что я все-таки не могу написать то, что им нравится, а также от того, что это не такая уж плохая идея.

Конечно, есть люди, которые останавливаются и говорят: «Я больше не могу над этим смеяться», но в большинстве случаев, независимо от того, насколько это ядовито, или наоборот, именно благодаря тому, что это ядовито, смех возникает где-то в атмосфере снятия стресса, выплескивания и взаимообладания секретами. И он не прекращается; и даже если уровень яда все выше и выше, он все равно вызывает смех.

Когда я читала *Братьев Карамазовых* Достоевского, я читала этот роман безо всякой предварительной информации, и вначале я думала, что это что-то вроде «комической смуты, вызванной экстравагантной, слишком гордой и импульсивной семьей». Сейчас я удивляюсь, почему у меня было такое предубеждение. Наверное, потому, что мне показался забавным живой, легкомысленный тон повествования в начале, женоподобный характер отца Карамазовых, живость многих людей, выходящих на сцену и с самого начала творящих несусветицу. Мне показалось, что Алеша – единственный серьезный персонаж.

По ходу повествования меня застал врасплох страшный рассказ Иван с примерами ужасающего насилия над детьми и его утверждение об особой человеческой жестокости, которой нет и у зверей. Даже если взять только эту часть романа, ясно видно, что в нём описаны жуткие вещи, но я все равно продолжала читать его как комедию, полностью погрузившись в шумную семью Карамазовых.

Конечно, Достоевский – великий писатель, его произведения – знаменитые шедевры, поэтому я тоже настраивалась и нервничала, когда начала читать, но по мере чтения в тексте появилась какая-то ритмическая магия, и я обнаружила, что читаю безо всякого напряжения. Уникальный стиль повествования Достоевского, словно лихорадка, заставлял меня чувствовать себя возбужденной и опьяненной уже от одного чтения книги.

Мне до сих пор очень хорошо помнится сцена в переломный момент чтения книги, когда я больше всего сомневалась, стоит ли мне смеяться над этим или нет.

Это была сцена, когда от тела старца Зосимы исходил запах разложения.

Не только обычные люди, но даже монастырские послушники начинают волноваться по поводу умершего старца Зосимы, ожидая чуда: «Ожидание тления и тлетворного духа от тела такого почившего есть сущая нелепость, достойная даже сожаления (если не усмешки) относительно малой веры и легкомыслия изрекшего вопрос сей». Несмотря на опасения окружающих, тело старца не смогло противостоять естественному порядку вещей, и от него стал исходить такой тлетворный запах, что пришлось открыть окно.

Алеша, другие монахи и люди, которые являются благочестивыми христианами, в этот момент потрясены, так как считают, что тело великого старца Зосимы не может разлагаться. Даже Алеша искренне обижается и впадает в уныние. Видя уныние Алеши, Ракитин говорит: «Да неужель ты только оттого, что твой старик провонял? Да неужели же ты верил серьезно, что он чудеса отмачивать начнет?» У меня было такое же чувство, когда я это прочитала.

Когда я прочитала сцену, как в комнате, где покоится тело, то тут, то там начинают тихо раздаваться голоса «Воняет...», сразу подумала: «Конечно, это естественно. Трудно осознать свое разочарование в том, что даже священник умирает и гниет». Это было немного смешно, или, скорее, я не понимала, должна ли игла чувствительности задеть ощущение смеха или серьезности.

Сам Достоевский, по идее, не должен использовать черный юмор, который находится на грани смешного и несмешного, но мне почему-то показалось, что надо мной подшучивают с невозмутимым видом. В тексте сказано, что «трудно было понять, действительно ли он шутит или говорит это на эмоциях» – именно это я и почувствовала.

Много лет японский комедийный дуэт Даунтаун вел эстрадное шоу *Не смейся*, в котором в больницах, на похоронах, в полицейских участках происходили одна за другой смешные вещи, но смеяться было нельзя, а если ты смеялся, то тебя наказывали. Сейчас я как раз вспомнила эту передачу.

Читая книги Достоевского, я часто оказываюсь в ситуациях, когда не могу определиться с эмоциональной позицией. Связано ли это с историческим фоном времени написания книги, со страной, в которой происходит действие, или с личностью этого великого писателя – я пока не нашла ответа. Уже в самом начале романа *Бесы* неоднократные тревелогии Ставро-

гина, например, укусить старика за ухо, были откровенно забавны, но я не была уверена, смеяться ли над этим тоже.

Подобное чувство я испытывала и с произведениями других авторов, например, когда читала мангу Осаму Тэдзука. В его манге иногда встречается смешная сцена, не имеющая никакого отношения к основной сюжетной линии – не знаю, для того ли, чтобы сделать перерыв, или еще для чего – но это бывает, простите, не очень смешно, и я недоумевала, зачем ему понадобилось вставлять такой кадр в серьезной сцене. Однако, несмотря на то что это вызывало недоумение, это также передавало некий неповторимый колорит, или природную индивидуальность гения Осаму Тэдзука.

Вернемся к тлетворному запаху старца Зосимы. Для глубоко религиозных людей того времени смерть и разложение монаха могли быть шокирующим событием, но в современном понимании этого слова, сколько бы чудес ни совершалось, это иллюзия довольно сложного, а точнее, невозможного уровня. Если все присутствующие ожидают чуда, то, наверное, старец Зосима, даже несмотря на свою кончину, чувствовал на небе сильное давление.

Очень плохо, что ожидания окружающих настолько высоки, что ему приходится соответствовать ожиданиям не только относительно своих прижизненных деяний, но и природных явлений после своей смерти, иначе люди будут разочарованы. И когда я представляю себе сцену, как люди жалуются старцу Зосиме на то, что он не совершает чудес, мне кажется, что она несколько юмористическая, хотя, на мой взгляд, ее следует читать более серьезно, потому что в ней речь идет о вере и смерти людей.

Возможно, намек на комизм содержится и в описании внешности старца Зосимы перед смертью. «С первого мгновения старец ему не понравился. В самом деле, было что-то в лице старца, что многим бы, и кроме Миусова, не понравилось», – далее следует описание плохой внешности старца, что, как мне показалось, также может быть признаком шутки.

Потом было убийство отца Федора, предварительный суд над старшим сыном и сцена, когда Лиза очищается перед любимым Алешей. По мере чтения я постепенно переходила от непринужденного чтения к чтению с ужасом.

А когда Смердяков признался Ивану в убийстве, и Иван испугался, мне стало просто физически плохо. В этот момент мои эмоции полностью переключились на страх.

Я очень сочувствую Ивану. Мне кажется, что все мы проходим через периоды, когда думаем так же, как Иван. Когда я находилась в состоянии Ивана, я активно просматривала в Интернете картинки и видеоролики о

подполье. Таким образом, просматривая их, я пыталась взять инициативу в свои руки в этом грязном мире, накопить запас знаний, чтобы в нужный момент не запаниковать и не стать одуроченным беззащитным молодым человеком.

Но в результате во время просмотра мне стало плохо, я долго не могла забыть увиденные образы и другие вещи, получила травму, у меня началась бессонница. Возможно, именно потому, что я вспомнила этот опыт, когда читала изнурительное описание Ивана и сочувствовала ему, думая, что смогу его понять, сюжет показался мне необычайно жутким.

После признания Смердякова в убийстве болезнь Ивана быстро прогрессирует, он начинает страдать галлюцинациями, в которых слышит обвинения в свой адрес от несуществующих людей.

Трудно поверить, что причиной психического расстройства Ивана стало только признание Смердякова в своей непосредственной причастности к убийству и обвинение им Ивана как настоящего виновника убийства. Возможно, сам процесс расследования жестоких преступлений в мире тоже не мог не сказаться на психике Ивана.

По сути, люди не должны чувствовать себя виноватыми за преступления, совершенные другими. Однако Иван сделал вывод о том, что Бога в этом мире нет, исходя из того, что в этом мире продолжают существовать крайне злые люди, и многого другого. Признание Смердякова заставило его понять, что он тоже отцеубийца, как и другие гнусные люди. Иван, который на самом деле никогда не совершал никаких преступлений и был в каком-то смысле человеком чистого сердца, разложился изнутри, что так же болезненно и абсурдно, как и осуждение к тюремному заключению Дмитрия, который на самом деле ни в чем не виноват. Дочитав до этого момента, я начала думать, что Карамазовы были гораздо серьезнее и совестливее, чем мне казалось вначале.

В романе *Бесы* в исповеди Ставрогина Достоевский описывает внутреннюю работу сознания дьявольского человека. Ставрогин доводит ребенка до самоубийства, но даже когда он видит, как тот мучается в лихорадке, бредит, что убил Бога, а потом убивает себя, он просто раздражен и не сочувствует этому. Он просто видит в этом способ удовлетворения своей похоти и избавления от скуки. Конечно, он скрывает от окружающих то, что произошло между ним и ребенком. В душе Ставрогин неплохой человек, но в своей исповеди он описывает себя как беса без совести.

При этом он говорит, что у него начались ежедневные галлюцинации девочки, грозящей ему своим кулачком. Это невыносимо для Ставрогина, и он страдает. Обычному человеку хочется думать, что он тоже чувствует ви-

ну за свои преступления, что его совесть, запятнанная злом и доведшая доброе существо до самоубийства, проявляется в виде призраков детей. Что подумал бы Иван, прочитав исповедь Ставрогина? Стал бы он хихикать, ему стало бы все хуже и хуже, или он вообще изменил бы свое мнение...?

После убийства отца болезнь Ивана усугубляется с невероятной быстротой. В романах Достоевского мне часто кажется, что существует прямая связь между разумом и телом: персонажам, которые страдают, быстро физически становится плохо, они начинают бредить и в мгновение ока слабеют настолько, что умирают. Я не знаю, является ли такая скорость развития физической болезни реальной скоростью, характерной для той эпохи, или это происходит потому, что это роман. Я не могу ослабить бдительность при чтении книги, потому что герои, с которыми еще минуту назад все было в порядке, в мгновение ока оказываются на краю гибели, а я думаю: «Что?»

С другой стороны, мне кажется, что скорость, с которой все “портится”, очень реалистична. С болезнями то же самое, но в *Братьях Карамазовых*, то, что начинается как обычная любовная интрига, постепенно сводит с ума всех, кто в нее вовлечен, и в результате наступает разруха, из которой нет выхода. Я чувствую здесь настоящие человеческие отношения. В глубине нашего сознания мы знаем, как быстро выползает из укрытия спрятанная в обыденности тревога, и что на самом деле грань между здравомыслием и безумием очень тонкая.

Далее история становится все более жуткой: Смердяков кончает жизнь самоубийством, Дмитрия осуждают в суде, персонажи уничтожаются один за другим, а история становится все более разрушительной. Легкость, с которой я начинала читать эту историю, практически исчезла, и закончила я чтение с холодком в позвоночнике. Это уже совсем не была история живой, шумной семьи.

Однако в конце концов меня спасли вдохновляющие слова Алеши на похоронах Илюши, маленького мальчика, воплощение добра, и после этого я закрыла книгу.

Почему абсурдность мира и человеческое зло существуют и не исчезают? Если есть Бог, то зачем он создал этот мир, настроив его на такую неразрешимую тьму? Разве это не наше дело? Сострадание и эмоции, присутствующие человеку, словно наполняются слезами, и во мне просыпается страсть, которой не должно было быть изначально.

Это произведение, показывающее историю человека, который, глубоко задумавшись о добре и зле, напился собственным духом, читали многие, и оно оказало на них большое влияние. Возможно, это связано с тем, что

сегодня многие люди в глубине души боятся, что когда-нибудь и они станут такими же. Многие люди сегодня живут нормальной жизнью, но испытывают смутную тревогу, что из-за какого-то незначительного события тонкая оболочка их психики может отслоиться, и они станут бесконечно подозрительными по отношению к окружающему миру, полностью потеряют контроль над собой и окажутся в причудливом духовном мире.

Однако это произведение оставляет в нашей душе не только тревогу, но и свет. Герои этой истории вдохновляют своей борьбой за преодоление своих внутренних слабостей, пусть даже в грубой форме. Жизнь героев заставила меня задуматься о том, как сложно и ценно заглядить свою вину перед слабыми и добрыми существами, которые имели несчастье похоронить самих себя, не причинившими прямого вреда и не чужими в этом мире.

Описать чудо этого романа в нескольких словах я не могу. Поэтому я уверена, что многие читатели со всего мира, все еще находясь в состоянии пустоты, будут продолжать входить в дом Карамазовых и испытывать странные переживания в будущем.

Илл. 5
Риса Ватая
(photo Graf Aloysky)

Кэйитиро ХИРАНО

Структурирование “влияния” и любовь

Илл. 6
Кэйитиро Хирано
(photo Graf Aloysky)

Достоевский был, безусловно, романистом, оказавшим огромное влияние на последующие поколения, а поскольку он сам находился под сильным влиянием творчества своих предшественников, то при любом обсуждении Достоевского неизбежно возникает вопрос: «Но разве это не свойственно его творчеству, и разве это нельзя сказать о романе вообще?» Возникает вопрос: «Но не является ли эта особенность характерной не только для его творчества, но и для романа вообще?» Сегодня я хочу поговорить именно о влиянии Достоевского, но трудно провести резкую грань между специфическим для Достоевского и общим, поэтому я хотел бы продолжить обсуждение в надежде, что разговор о Достоевском, воз-

можно, приведет нас к вопросу о том, что такое роман.

Я хотел бы рассмотреть мир романов Достоевского как динамическое структурирование отношений “влияния”.

Понятие “влияние”, по сути, является критикой эссенциализма в вопросе о том, что значит быть человеком, поэтому здесь я хотел бы рассматривать его сущностно, используя привычное выражение “влияние”.

Причин для такого подхода несколько.

Во-первых, “влияние” неразрывно связано с языком. Язык, будь то устный или письменный, предметно представлен в виде символов (по крайней мере, так он проявляется в романе). Язык – это социально существующее динамическое явление, которое проникает в человеческую личность, впитывается, закрепляется, трансформируется и является предметом обмена с другими людьми. Поэтому я намерен прояснить отношения “влия-

ния”, проследив траекторию этого сложного языка.

Идеи, обозначаемые и очерчиваемые собственными именами персонажей романа, на предварительных этапах создания более хаотичны и переплетены, они существуют во внутреннем мире автора как множество водоворотов. Они не просто персонифицированы в героях, как в аллегории, но их очертания отсекают, а зачастую и даже скрывают глубинный безличный поток влияний. Попытка прочесть роман с точки зрения отношений влияния – это способ анализа произведения путем сведения его к такой первичной стадии создания.

Другая причина – более практическая. Как значит термин ‘influencer’, с момента появления Интернета мы живем в обществе, которое, хорошо это или плохо, стремится к количественному и качественному измерению “влияния”. Влияние – это наиболее очевидное выражение власти сегодня (соревнование по количеству последователей в социальных сетях!), но это динамичное, систематическое явление, которое не обязательно может быть приписано человеку, а скорее сам человек является формирующим фактором. Сегодня имеет смысл перечитать Достоевского с точки зрения человека, находящегося во власти этой структуры.

Естественно, у влияния есть две стороны: дающая и принимающая. Однако и дающий должен быть получателем влияния в других отношениях, и эта амбивалентность между дающим и получающим делает социальное существование взаимосвязанным. Буддийская концепция “кармы” – это метафизика, которая придерживается такого рода релятивизма и в конечном итоге учит, что все есть «пустота» (небытие).

На этом этапе происходит дальнейшее разделение воздействующей стороны на “источник” и “носитель”.

Источником влияния не обязательно является человек, это может быть идея, концепция или событие. Достоевский был писателем, который особенно четко осознавал взаимосвязь между этими двумя понятиями. Ярким примером этого могут служить отношения между Женовой, неоднозначным “источником влияния” в *Бесах*, и Петром, обладающим властью практически как ее “носитель”. Или же критика Мышкиным римского католицизма в *Идиоте*, которая направлена на его власть как на искаженного “носителя информации”, отделившегося от Бога как источника влияния и превратившегося в простое «продолжение Западной Римской империи».

В понимании Достоевским феномена “влияния” есть несколько пластов.

Наиболее крупным из них является религиозный аспект. Римский католицизм, русское православие, различные секты, такие как бегуны, хлы-

сты и скопцы, оказались в центре его внимания, и их “влияние” было проанализировано различными способами. Эти религиозные влияния сопоставлялись с влиянием западного нигилизма. В мир произведения вплетены и другие широкие идеологические влияния, такие как социальные течения и идеологии, например, движение за эмансипацию женщин.

В отличие от них, есть конкретно-историческое измерение общего опыта общества в целом. Яркий пример – фигура Наполеона. Идеи Раскольникова находятся под влиянием этого гиганта, что также прослеживается в рассказах генерала Иволгина в *Идиоте*.

Кроме того, нельзя не отметить влияние событий, которые еще не вошли в историю. Дело Нечаева, вдохновившее на написание *Бесов*; дело Герасима Чистова, послужившее образцом для *Преступления и наказания*; убийство семьи Жемариных, о котором рассказывается в *Идиоте*; покушение на царя Александра II, связанное с идеей продолжения *Братьев Карамазовых*. Все они являются воплощением более крупного социального и идеологического источника влияния, но при этом функционируют как самостоятельные источники влияния, воздействуя на людей по цепочке.

Естественно, есть экономические и институциональные влияния, например, нищенская жизнь Раскольникова и положение Сони как проститутки. Натура человека и деньги также являются базовыми источниками влияния, причем присутствие Ротшильда изображается как символ последнего.

Наконец, следует отметить, что сильным источником влияния могут быть и произведения искусства, как, например, *Мертвый Христос в гробу* Гольбейна, который изображен в *Идиоте* и часто упоминается в дальнейшем.

Подвергаясь этим многочисленным влияниям, отдельные персонажи живут своей жизнью, время от времени перестраивая самих себя. О романах Достоевского говорят, что они “полифоничны”, но важно то, что эти многочисленные голоса влияют и изменяют друг друга.

При этом важно отметить, что Достоевский подчеркивает не только внешнее, но и внутреннее влияние, т.е. физические условия, такие как индивидуальный темперамент и хронические болезни. Слова и поступки героев никогда не бывают статичными, они колеблются между внешними и внутренними влияниями. Яркий пример тому – Мышкин. Возвращение Мышкина в Россию после долгого выздоровления в Швейцарии и окончательный крах его поведения отмечены такими внутренними влияниями, как эпилептические припадки и их предвестники, скандалы из-за наследства, психологические конфликты между двумя женщинами, Настасьей и

Аглаей, слишком сильное давление, вызванное его дебютом в обществе перед свадьбой – все это оказалось чрезмерным для него.

Конечно, человек является не только получателем влияния, но и его источником, и само собой разумеется, что сам роман *Идиот* описывает влияние на становление Мышкина в русском обществе как «положительно прекрасного человека».

Примером положительного взаимовлияния персонажей являются отношения Раскольникова и Сони. С другой стороны, страшным примером отрицательного взаимовлияния являются отношения между Иваном и Смердяковым. В отношениях между намерением убить и его исполнением, по логике Смердякова, Иван является персонажем, оказывающим влияние, а Смердяков – принимающим его, но в их диалоге именно Смердяков оказывает влияние, которое приводит Ивана к этим идеям.

Теперь, когда мы рассмотрели понятие “влияние” от общего концептуального до конкретно-индивидуального измерения, рассмотрим этот вопрос еще раз с точки зрения временной оси.

Бесспорно, что Достоевский придает большое значение “влияниям” прошлого в моделировании персонажей. Это может быть, как в “Исповеди” Ставрогина, “влияние” решающего события, произошедшего в какой-то момент в прошлом, или “влияние” обстоятельств, продолжающихся из прошлого до сих пор. Последнее – это тот опыт, который в английской грамматике описывается как *have been -ing – Present Perfect Continuous*, «настоящее совершенное длительное время» – например, если вспомнить положение Сони как проститутки или воспитание Настасьи, когда Мышкин говорит: «Вы страдали и все-таки вышли из этого ада чистой». В каждом случае прошлое продолжает оказывать неизбежное и судьбоносное влияние на жизнь героев в настоящем.

С другой стороны, у Достоевского предельным воздействием будущего на настоящее является смерть. Как известно, у него был уникальный опыт: его приговорили к смерти в 28 лет и помиловали прямо перед казнью, так что он уже испытал ужас смерти в прошлом, когда должен был бы испытать его в будущем.

На первый взгляд, “предсмертный” опыт Достоевского напоминает *Бытие и время* Хайдеггера, где объясняется, как через «первопрохождение» смерти настоящее бытие, погрязшее в повседневности и живущее несущественной жизнью, пробуждается к своей существенной жизни.

Первопроходец подвергает настоящее опасности утраты себя в мирском “я” и приводит настоящее к возможности быть самим собой, не ища под-

держки прежде всего в соображениях, что является тревожным, страстным, фактическим, самоутверждающимся “я”, свободным от всех иллюзий мира. Это самость в свободе встретить смерть, свободная от всех иллюзий мира, подверженная страстной, фактической, тревожной свободе утвердить себя (*Бытие и время*, по переводу Садао Хосоя).

Хайдеггер говорит нам, что человеческое восприятие не-сущности состоит в том, что «однажды человек обязательно умрет, но пока его очередь не наступила».

Однако более проработанным, чем у Хайдеггера, исследование Достоевским “влияния” смерти на жизнь заключается в том, что он ставит под вопрос продолжительность времени до смерти.

Эзотерическая философия Хайдеггера не так сложна для понимания в том смысле, что осознание смерти дает нам ясное понимание природы жизни, того, как мы должны жить. Однако трудность *Бытия и времени* заключается в том, что она неоднозначно определяет момент наступления смерти. В течение года мы можем работать над довольно крупным проектом в сотрудничестве с другими людьми, а спустя десять секунд мы уже практически ничего не сможем сделать. Или если нам говорят, что жить осталось три месяца, то большую часть оставшейся жизни мы потратим на то, чтобы разобраться со своими делами, но будет ли это наше «я» первоначальным «я» в свободе встретиться лицом к лицу со смертью? Конечно, это не так.

Если смерть – это событие, достаточно далекое в будущем, чтобы быть сущностной жизнью, то настоящее существование, предшествующее смерти, в конце концов попадет в противоречивую ситуацию, когда для того, чтобы прожить свою сущностную жизнь, ему ничего не остается, как продлить восприятие жизни внесущностной: «Человек, конечно, когда-нибудь умрет, но пока что моя очередь не наступила».

Кстати, в случае с осужденным, о котором рассказывает Мышкин в *Идиоте*, – история, в значительной степени отражающая опыт самого Достоевского, – он, пока его не приговорили к расстрелу и не помиловали, думал: «...Через несколько минут я внезапно умру». В итоге он специально подсчитывает, что у него есть всего «пять минут», которые он делит на три части: две минуты на то, чтобы «попрощаться с друзьями», две минуты на то, чтобы «подумать о себе», и «остальное время на то, чтобы хорошенько осмотреться и убедиться, что все закончилось». У него было ровно пять минут, чтобы подготовиться к смерти, но это было все, что он мог сделать. Осознание того, что ничего нельзя сделать из-за краткости времени до смерти, прослеживается и в “Исповеди” Ипполита.

Думаю, что влияние этого переживания, конечно, было огромным: он писал, что если бы ему удалось «вернуть себе жизнь, то все было бы моим! Тогда бы я каждую минуту считал веком, я бы ничего не терял, я бы каждую минуту считал, я бы ничего не тратил!». Это признание близко ко второй части *Бытия и времени*, но отличается от него тем, что в словах Достоевского отвергается иерархия готовой сущности и декадентской не-сущности, а провозглашается полное утверждение жизни: «Ничто не пропадает зря!»

Достоевский использует фразу «если бы можно было вернуть жизнь», которую, наверное, можно трактовать как восстановление утраченной жизни – “воскрешение”. Важно отметить, что Достоевский считал, что именно в этой, а не в следующей жизни ему предстоит “воскреснуть”. В только что описанной сцене приговоренный замороженно смотрит на луч солнца на куполе церкви, думая, что через три минуты он «растворится в его лучах», но при этом «тревога и отвращение к этому новому были очень страшны». Ни о каких надеждах на загробную жизнь в романе не говорится.

В романе Достоевского наиболее откровенное отрицание загробной жизни содержится в истории о Великом Инквизиторе, рассказанной Ивановым, из которой вытекает вопрос: если всякая этика теряет свои основания, то возможно ли что-нибудь в этой жизни? Это наиболее нигилистический вывод о “последствиях”, о “влиянии” будущей смерти. Аналогично Свидригайлов в *Преступлении и наказании* фантазирует о вечности в загробном мире как о «маленькой комнатке, полной копоты, как деревенская баня, с пауками, куда ни глянь». Такое же отношение к смерти как к чему-то макабрическому прослеживается и в “Исповеди” Ипполита в романе *Идиот*, где он описывает «какое-то чудовищное существо, ужасное существо». Упоминание «мертвого Христа» в той же “Исповеди” связывает отвращение к разложению тела с невозможностью “воскрешения”. Этот запах разлагающихся тел упоминается и после смерти Настасьи, и после смерти старца Зосимы в *Братьях Карамазовых*.

Итак, человек живет в настоящем под “влиянием” прошлого и под “влиянием” будущей смерти, и ему заповедано «ничего не тратить зря!» Жизнь заповедана. Если эта жизнь – с долгом, то человек должен воскреснуть заново в реальности этой жизни.

Первым героем, от которого мы ожидали бы такого “воскрешения”, должен бы быть Раскольников. Однако после ссылки в Сибирь самолюбие Раскольникова все еще уязвлено «бессмысленной нелепостью» вынесенного ему приговора, и в конце книги возникает мысль, что «история постепенного восстановления человека» только начинается.

Напротив, именно Соня после встречи с Раскольниковым как бы обретает свое достоинство и “воскресает”. Раскольников считал, что у Сони есть только три выхода: броситься в канал, попасть в психушку или (для краткости) впасть в разврат, который превратит ее сердце в камень, но в Сибири она почитается заключенными как «добрая и заботливая мать». То, что делает “Исповедь” Ставрогина в Бесах непростительной – это самоубийство Матрешы, которое лишает ее возможности избавиться от “влияния” своего трагического прошлого и “вернуться”.

С точки зрения “воскрешения” женщин, то, что произошло с Соней, должно было произойти и с Настасьей в *Идиоте*. Однако отношения Мышкина с Настасьей диаметрально противоположно связаны с отношениями Раскольникова и Сони.

Почему так происходит?

В заключение поясню этот вопрос через понятие “раздвоение личности”, над которым я размышляю в последние годы. Термин “раздвоение личности” означает дифференциацию человеческой личности в зависимости от межличностных отношений и окружения, в отличие от концепции неделимой “индивидуальной личности”. В человеке живет множество “альтер-эго” – для друзей, для возлюбленных, для начальства... – и в центре нет единого “настоящего я” как сущности. Все “альтер-эго” – это, можно так сказать, “настоящее я”, и именно состав и меняющиеся пропорции этих “альтер-эго” определяют “индивидуальность” человека.

В качестве литературного примера этой модели я часто обращаюсь к роману Толстого *Анна Каренина*. Описывая одну и ту же Анну, автор описывает ее с мужем Карениным, с Вронским, с братом Облонским, с сыном Сережей; когда она в Петербурге, когда она в имении Вронского... таким образом, описывает несколько ее альтер-эго, динамически дифференцированных с помощью меняющихся композиционных пропорций.

Путь воскрешения Раскольникова может быть интерпретирован как процесс увеличения доли его варианта альтер-эго, когда он в отношениях с Соней, в составе его общего альтер-эго. Соня и Раскольников взаимно влияют друг на друга, а его альтер-эго в контексте отношений с Соней влияет и на другие альтер-эго, составляющие Раскольникова. Альтер-эго, которые он создает в процессе общения с Соней, позволяют ему мыслить не так, как раньше.

Отношение Сони к Раскольникову представляет собой сложную смесь отрицания и принятия. Влияние на Раскольникова исторической фигуры Наполеона носит отчуждающий характер. Соня противостоит Раскольникову, оказывает на него “влияние” как на нового Другого, противостоит

его идеям, одобряющим убийство. Это не означает спасения его невинной “сущности”, не подверженной влиянию внешнего Другого, а скорее указывает на борьбу за “влияния” через любовь. Раскольников является сценой, площадкой, на которой разворачивается война двух существований – Со-ни и Наполеона. Это была возможность превратить Раскольникова в субъекта, достойного жить, но именно Соня одновременно “воскресает” через свое отношение к возлюбленному.

И то, в чем мы нуждаемся – это любовь других людей, способная оказать такое “воздействие”.

Однако в случае с Настасьей и Мышкиным такой дифференциации не происходит до самого конца. Мышкин характеризуется тем, что он почти для всех один и тот же Мышкин, и существенной дифференциации личности не происходит. Все, что можно увидеть в Мышкине – это расстройство одной и той же личности под влиянием внутренних/внешних воздействий.

Когда Мышкин решает жениться на Настасье, а не на Аглае, Радомский заявляет: «Вы никогда не любили ни одной из этих двух женщин». И действительно, Мышкин в конце концов жалуется, что Настасья «кудрявая», со «страшным лицом», и говорит, что не намерен «делать ее счастливой», даже если они поженятся. Сцена, когда они с Настасьей смотрят друг на друга после того, как она забирает Мышкина у Аглаи, на первый взгляд, трогательна, но оставляет необъяснимый осадок. Безоговорочное принятие, когда «когда она смеялась, он смеялся», «когда она плакала, он тоже плакал», «может быть, он только тихо улыбался, ничего не понимая», «как ребенка, он успокаивал и жалел другого», может быть, больше всего было нужно раненой Настасье, но такое отношение, может быть, было совершенно необходимо и ему. Это отношение совершенно пассивное, в котором чувствуется некоторая отстраненность от чувства “жалости к ней”. Мышкин достаточно благороден, чтобы не считать падшей женщиной, которая, по словам Радомского, «осквернена не по своей вине отвратительными распутниками из высшего сословия», но он не принимает всерьез “влияние” на нее Тоцкого, которое она “разделяет” как свое собственное. Настасья не является площадкой для борьбы между существованием Мышкина и Тоцкого (периода времени, символизируемого для нее существованием Тоцкого). Это своего рода невовлеченность, но Достоевский изображает ее не как сущностное свойство Мышкина, а как результат влияния внутренних условий.

Однако именно Настасья сама отказалась от “влияния” своего дурного прошлого на Мышкина. В этом отличие от Аглаи, которая в своей помолв-

ке с Мышкиным необъяснимо винит его и пытается быть “источником влияния” на него. Между Мышкиным и Настасьей нет отрицания, глубоко связанного с принятием, которое предполагает продолжение отношений. Рассматривая эти отношения, автор задается вопросом, можно ли назвать их любовью. Но опять же, таковыми их делает не их природа, а многочисленные влияния, которые постоянно действуют на них.

Я понимаю, что мои рассуждения могут слишком упростить слишком сложную психологию героев *Идиота*. Однако представляется несомненным, что *Идиот* – да и все романы Достоевского в целом – нуждаются в таком прорыве.

Произведения Достоевского, возможно, являются для нас отрицательными реципиентами, как Соня. И, будучи реципиентами их “влияния”, мы теперь становимся источниками этого “влияния” путем обсуждения. По этому случаю хотелось бы еще раз осознать, что любовь имеет очень важное значение.

Илл. 7
Во время дебата
(photo Graf Aloysky)

